

**Читайте мистические триллеры
Альбины Нури в серии «За гранью»:**

Вычеркнутая из жизни

Пропавшие в раю

Отмеченная судьбой

Очарованная мраком

Плененные тайной

Пятый неспящий

Обреченные на страх

◆

А Л Ь Б И Н А

◆ Нури ◆

◆

ПЯТЫЙ НЕСПЯЩИЙ

Москва
2018

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н90

Оформление серии *С. Груздева*

Нури, Альбина.

Н90 Пятый неспящий : [роман] / Альбина Нури. — Москва : Эксмо, 2018. — 320 с.

ISBN 978-5-04-094340-1

Отношения Розы с родными всегда оставляли желать лучшего: мать постоянно читала нотации, теткино высокомерное покровительство раздражало, деду не было до нее дела. Она ни за что не осталась бы с ними под одной крышей, но из-за зимней непогоды дороги замело, и девушка оказалась заперта с семьей в загородном особняке тетки. После новогодней ночи Роза поняла, что в доме творится нечто странное и страшное... Его обитатели совсем перестали спать, обнаружили, что в поселке, кроме них, никого не осталось, а полнолуние необъяснимо затянулось. Все их попытки выбраться в город провалились, а за окнами каждую ночь стала появляться фигура в черном капюшоне...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Нури А., 2018

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-094340-1

ПРОЛОГ

К вечеру снова повалил снег. Казалось, что кто-то там, в вышине, просеивает муку сквозь крупное сито. С тускло-серого неба обильно сыпались пушистые белые хлопья, вблизи похожие на неряшливые комки ваты.

Человек медленной, неуверенной походкой приблизился к окну, принялся вглядываться в даль со второго этажа, почти вплотную прижавшись лицом к стеклу. Поселок лежал внизу — тихий и безмолвный. Человек ясно видел его мысленным взором: аккуратные коттеджи, выстроенные в разных стилях — в соответствии со вкусами и финансовыми возможностями хозяев; недостроенные дома, фонари, глухие заборы, деревца, гаражи... Однако за сплошной стеной снегопада толком ничего разглядеть не удавалось.

Впрочем, это не имело особого смысла.

Остаться в одиночестве в большом красивом доме — разве не этого хотелось? Не об этом страстно мечталось прежде?..

Пятый неспящий

Теперь сбылось. Никого больше нет. Пропали пропадом, провалились в тартарары.

«Только я блуждаю по комнатам, как никому не нужная, неприкаянная, нелепая тень».

подавив вздох, человек отвернулся от окна, прошел в глубь комнаты, сел в кресло.

Кажется, Бернард Шоу советовал мечтать осторожнее — ведь мечты имеют обыкновение сбываться. Вот сбылось — и что сейчас с этим делать?

И назад ничего не вернешь. Этого еще никому не удавалось, как ни проси. Да и кого просить? У Бога? Есть ли он вообще? А если и есть — разве услышит?

На комнату медленно напоззала темнота. Совсем скоро она станет и вовсе непроглядной: двух шагов не сделаешь, чтобы не споткнуться. Прежде эта чернильная мгла пугала, тревожила, будоражила воображение. Но все чувства постепенно растаяли — ушли вместе с остальными обитателями дома.

Теперь остается лишь одно — ждать. Скоро, уже совсем скоро, наверное.

«А если нет? — ударила мысль. — Если это навсегда, навечно? Если этот дом станет моей тюрьмой, моей могилой?»

Никто не спасет. Никто не услышит.

Человек скорчился в кресле и прижал ладони к лицу в напрасной надежде защититься от неизбежного.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Первое января. Утро. Роза

Она проснулась, но долго лежала, не открывая глаз.

Главное — не думать ни о чем, не пытаться сосредоточиться, не ковыряться в памяти. Голова должна быть абсолютно пустой, сознание — свободным, тело — расслабленным. Вот единственно верный способ поскорее снова заснуть. Ни счет до ста, ни глупые овцы, прыгающие через веревочку, никогда ей не помогали. Да и никому не могли помочь, наверное.

Спать, спать, ну пожалуйста! Спать и не обращать внимания на то, как себя чувствуешь. Спустя какое-то время полегчает. Только так можно пережить похмелье — просто переспать его. Так всегда говорит Ленка — а уж она-то знает толк в таких вещах. Что с чем смешивать, как закусывать, какими таблетками лечить неприличные болячки...

Пятый неспящий

Непрошенная, незванная, Ленка беспардонно вторглась в ее мысли. Как обычно, собственно. Ленка всегда сваливалась как снег на голову: не важно, утро или вечер, хотят ее видеть или нет, одна Роза или с... Вот уж нет! *Его* в свои мысли точно нельзя пускать! Иначе снова и снова придется разматывать спутанный клубок, в который превратилась жизнь по *его* милости. Прокручивать в голове причинно-следственные или какие там еще бывают связи, зная, что все без толку. Результат всегда один и тот же: запутываешься еще сильнее.

Похоже, заснуть больше не удастся — пора с этим смириться. Она прислушалась к своим ощущениям. Господи, хуже просто не бывает! Во рту отвратительный кисловатый привкус, и зубы будто приклеились друг к другу. Разумеется, на ночь Роза их не почистила.

К горлу подступила тошнота, Роза судорожно сглотнула и попыталась сделать глубокий вдох. Голова немедленно отозвалась острой вспышкой боли, и девушка едва не застонала. В довершение всего ужасно, просто невыносимо хотелось в туалет.

В детстве мама постоянно внушала: ни в коем случае нельзя терпеть. А то мочевой пузырь разорвется, и ты умрешь в страшных мучениях, не успеют довести до больницы. Если все же приходилось терпеть — на уроке, в музыкальной школе или в гостях, маленькая Роза тряслась от ужаса

АЛЬБИНА НУРИ

и ждала, что коварный пузырь вот-вот взорвется внутри нее и превратит внутренности в кровавую кашу.

Детство вообще было полно всевозможных запретов, нарушение которых грозило обернуться страшными болезнями или смертью.

Не ходи по холоду без шапки — заболешь менингитом. Не гуляй по лесу в шортах — укусит клещ, начнется энцефалит и тебя парализует. Не трогай ржавые гвозди — обязательно поранишься, ранка может быть такая маленькая, что не заметишь, но яд попадет в кровь, заболешь столбняком. Не пей холодное молоко — начнется гнойная ангина. Не кусай губы — от этого бывает рак.

Розе не позволялось завести кошку, потому что это рассадник заразы: не лишай, так блохи, не блохи, так токсоплазмоз. Собаки тоже представляли опасность: в газете писали, как один пес внезапно взбесился и вцепился в лицо своему хозяину — маленькому мальчику. Ребенка едва спасли, но он на всю жизнь остался инвалидом с изуродованным лицом.

Нельзя красить волосы, мазать помадой губы, пользоваться тушью. Волосы выпадут, губы станут блеклыми, а ресницы — редкими и белесыми.

Разумеется, нельзя курить, пить спиртное, целоваться с мальчиками...

Поначалу Роза верила матери на слово, но, подрастая, принялась подвергать многочислен-

Пятый неспящий

ные страшилки сомнению. Тем более что все вокруг только и делали, что заводили кошек, килограммами поглощали ледяное мороженое, а с мальчиками не только целовались, но делали и много чего другого, явно не менее опасного.

Испытывая поначалу священный ужас, смешанный с шальным восторгом, Роза вдохновенно принялась нарушать материнские запреты. Кусала губы, валялась в шортах на траве, гладила соседских собак и кошек... Когда ничего страшного не случилось и она поняла, что не заболит и не помрет, пошла дальше. Матери, влияние которой становилось все более слабым, не удавалось остановить дочь.

Хотя, если уж по правде, в своем желании протестовать не стоило заходить настолько далеко.

А ведь мать не всегда была такой. Роза смутно помнила ее веселой, беззаботной, смешливой. Никаких параноидальных мыслей, никакого страха перед жизнью. Да и желания все контролировать она тоже вроде бы не имела, главой семьи был папа. Но после смерти отца мать резко изменилась, сделалась другим человеком — и ее отношение к дочери тоже стало иным.

Но в одном мать точно была права: терпеть в самом деле вредно. Нужно вставать, ничего не поделаешь.

Роза осторожно разлепила склеившиеся от туши ресницы: макияж она, конечно, тоже с вечера не смыла. Медленно открыла глаза и обвела

АЛЬБИНА НУРИ

взглядом комнату. Стены затянуты сиреневым шелком с серебристым отливом. Светильники, пейзажи, статуи и массивные цветочные горшки по углам... Воплощение шика и вкуса в представлении тети Риммы. Сбоку — туалетный столик с зеркалом в серебряной раме, в дальнем конце комнаты — огромное окно. Будь это ее дом и ее спальня, Роза ни за что бы не поставила кровать напротив окна. Занавески не были задернуты, и яркий свет, который беспрепятственно лился в комнату, безжалостно полоснул по глазам. Она инстинктивно отвернулась. Это простое движение вызвало новую волну головной боли, снова замутило. Девушка поспешно зажмурилась, переждала приступ и через некоторое время снова попыталась разомкнуть веки.

Вроде ничего, нормально. Нужно только быть аккуратнее и не делать резких движений. Стараясь двигаться плавно и осторожно, Роза приподнялась и села в кровати. Нашарила ногами тапочки, встала. Отлично, даже голова не слишком сильно кружится.

Настенные часы показывали начало девятого. Такая рань: можно спать да спать — сегодня даже не просто выходной, а первое января. Хотя какая разница, первое или десятое, если Роза теперь все равно не работает?..

Во сколько же она легла вчера?

Оказалось, что все воспоминания о новогодней ночи стерты.

Пятый неспящий

Странно, если подумать. Провалы в памяти после хорошей гулянки — такое с ней случалось, и не раз. Первый признак алкоголизма. Но переживать на эту тему Роза не собиралась: первая, вторая, последняя... Кому какая разница, что с ней случится? Ей самой, уж во всяком случае, точно по барабану.

Но ведь не сразу же она надралась, не прямо с восемнадцати ноль-ноль! А помнится только то, как вышла из этой самой комнаты около шести вечера. В котором часу они сели за стол? Какие телепередачи смотрели — и смотрели ли вообще? Выходили ли во двор? Запускали фейерверки, как собирались, или так и просидели всю ночь за столом — напиваясь, упражняясь в остроумии, подкалывая друг друга, как обычно?..

Ни единой детали, ни малейшей зацепки. Как волной смыло — пустота, будто на пляже зимой.

Роза двинулась к двери. Она была в полупрозрачной ночнушке до колен. Удивительно, но платье снять все-таки сумела. Кстати, где оно? Со спинки кресла — сиренево-серебристая обивка, конечно же! — свисали лифчик и колготки. А где платье? Откровенное, красное, вызвавшее дружное возмущение матери и тети Риммы. Нечасто они проявляли такое единодушие, как в этот раз, усмехнулась про себя Роза. Впрочем, если матери что и не нравилось, возражать тете Римме она редко отваживалась. А той всю жизнь было до лампочки любое мнение, кроме своего собственного.

АЛЬБИНА НУРИ

Роза двигалась по комнате аккуратно, плавно, как опытная танцовщица. Никаких лишних жестов, ноги переставляя осторожно, ровно держа спину. Голова будто стеклянная: от неловкого движения в любой момент может рассыпаться на миллионы осколков.

И зачем она опять столько выпила? Обещала же сама себе!..

Но если посчитать, сколько «честных слов» по разным поводам Роза давала себе за свою двадцатилетнюю жизнь, страшно становится. Потому что слова остаются словами, а поставленные цели так и стоят — без движения.

Роза открыла дверь и выбралась в коридор. Дальше — комната матери, между ними — ванная. Еще в их крыле имеется так называемая гостевая, хотя никаких гостей тетя Римма никогда не принимала и в будущем делать этого не собиралась.

С другой стороны, кто они сами в этом громадном доме — и она, и мать, и дед? Кто, если не гости? Не особенно-то и желанные, надо думать.

Комнаты тети Риммы и дедушки — в другом крыле. Они еще больше по размеру, хотя и комната Розы очень даже немаленькая, во всяком случае, больше всей ее съемной малосемейки. Ну, вот опять... Так и лезут в несчастную больную голову мысли о прошлом. Если бы можно было взять и вычеркнуть их из памяти, как вчерашний вечер!

Пятый неспящий

Толстый ковер заглушал шаги — и слава богу. Меньше всего ей сейчас хотелось потревожить мать. Роза никогда особенно не жаждала общаться с родительницей, а уж в своем теперешнем состоянии — особенно.

Дверь ванной комнаты открылась с легким щелчком.

«Может, душ принять? — размышляла Роза, сидя на унитазе. — Или лучше просто умыться, почистить зубы, чтобы убрать гадкий привкус, и отправиться досыпать?»

Часа два-три, и ей наверняка полегчает.

Наклонившись к раковине, она вдруг почувствовала острый приступ тошноты. Голова взорвалась болью, в глазах потемнело. Роза стояла, судорожно вцепившись в фарфоровые края, и ее мучительно рвало. Наверное, уже весь дом перебудила. Хотя тетка с дедом далеко, могут и не услышать, а вот мать точно проснется. Но теперь уже наплевать.

Спустя минут тридцать Роза вышла из ванной. Чувствовала она себя намного лучше. Избавившись от всего лишнего, измученный организм воспрянул. Контрастный душ тоже пошел на пользу: голова уже почти не болела, разве что поматывало слегка от слабости, но это мелочи. Поваляться пару часов и...

Мать стояла на пороге своей комнаты, скрестив на груди руки, одетая в один из своих балахонов. На голове — повязанный на мусуль-

АЛЬБИНА НУРИ

манский манер светлый платок, в глазах — осуждение.

Роза почувствовала знакомое глухое раздражение, но решила ничего не говорить. Она была не в том состоянии, чтобы вступать в бессмысленные споры. Добраться бы до кровати.

В этом году матери исполнится сорок семь, но выглядит она намного моложе, даже несмотря на жуткие шмотки. Лицо чистое, свежее, черты тонкие, правильные, и морщин почти нет. Чувствуется порода, какое-то внутреннее благородство. Хотя вроде бы откуда этому взяться — не дворянского они роду. Косметикой мать пользоваться перестала, и это ей только на пользу. Если честно, будь Роза на нее похожа, вообще бы никогда не красилась. Но она пошла в отца: черты лица крупные, немного простоватые, хотя и выразительные. Наведет красоту — прямо кинозвезда. А без краски выглядит блеклой, сливается с обоями, как однажды брякнула Ленка.

— Доброе утро, — проямлила Роза. — Разбудила?

Мать отрицательно качнула головой.

— Я рано встаю, ты прекрасно знаешь.

— Пойду еще посплю, — сказала Роза, избегая смотреть на мать.

— Посплю! Скоро только и будешь способна, что есть, пить, спать... — Мать поджала губы.

Роза перевела дыхание и попыталась пройти мимо, но мать вцепилась ей в локоть: